

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: Свобода без процветания

Уж сколько наши обществоведы написали и наговорили за годы перестройки, а так и не ясно, что делать. А поскольку при своем обескровленном хозяйстве мы имеем одну шестую часть суши, без малого 300 млн населения и в придачу ядерные зубы, этот вопрос интересует многих в мире. И нам щедро дают советы. Мы выслушиваем их и снова пишем и говорим. Господин Фридман предлагает сделать «четыре шага к свободе». Но дело, мне кажется, не в числе шагов. Откуда мы начинаем шагать? Вот, на мой взгляд, ключевой вопрос. Не *куда*, а именно *откуда* и каким способом. Ведь ясно, что множество возможных, допустимых, реализуемых шагов определяется не конечной, а начальной точкой. Наблюдая со стороны объект, наделенный волей и сознанием и, по всей вероятности, преследующий определенную цель, подчас невозможно понять, в чем состоит эта цель, если абстрагироваться от ограничений, стесняющих объект в его текущем положении. Пусть надо попасть из Берлина в Стокгольм. Любая карта покажет, что двигаться надо примерно на север. Но если идти придется пешком — ни самолетов, ни кораблей, то... Не будем вдаваться в географию. Для нынешней ситуации как раз чрезвычайно характерны бесчисленные «если», и многие из них жителю «процветающих, благоденствующих стран Запада» кажутся не менее нелепыми, чем предположение об отсутствии самолетов и кораблей. Но еще хуже, что вполне конкретно, конструктивно — хотя бы на два-три года вперед — эти «если» неведомы и нам.

В начало своей статьи М. Фридман вынес тезис, видимо, представляющий ему наиболее важным: «... первый шаг к ней (свободе.— *В. Д.*) — удержаться от копирования неподходящих образцов». С этим нельзя не согласиться, хотя «удержаться от копирования», конечно, еще не шаг. Но что можно копировать, коль скоро речь идет об историческом развитии страны, и вовсе не обязательно только нашей? Что в принципе корректно определить как образец — неважно, подходящий или неподходящий,— лишь бы соблюдалась должная логическая строгость и не происходило столкновение семантически несоединимого. Если уж дважды два, то четыре или, может быть, нуль, но не стеариновая свечка, как у Чехова.

В историческом развитии можно копировать какие-либо черты общественного устройства. Целиком воспроизвести его для сколь-нибудь существенно различающихся социально-экономических систем, естественно, нельзя. А факторов, по которым обнаруживаются подобные различия, не перечислить: национальные, географические, климатические, ресурсные, политические и т. д. Кроме того, можно имитировать отдельные стороны поведения управляющей системы. Не погружаясь в анализ терминологических тонкостей, и то и другое допустимо считать «шагами». В конечном счете они сводятся к попыткам внедрить в один социальный организм элементы, характерные для другого социального организма, или воспроизвести некоторые его свойства. И возможность отторжения новых элементов, и большая вероятность получить в ходе воспроизведения превращенные свойства, и неизбежность различных косвенных последствий — все это прописные истины.

Поэтому когда дело касается конкретных шагов, в частности нужных здесь и сейчас, рассматривать другую страну, другой социальный организм как образец можно разве что на самых предварительных стадиях анализа. А затем надо искать прецеденты, дающие основание полагать, что не все, но лишь важные для рассматриваемого шага условия достаточно сходны, а потому и последствия, скорее всего, окажутся сходными.

Следовательно, образец — некая подсистема в другом социальном организме, аналогичная в каких-то инвариантных аспектах подсистеме, выделенной нами в организме преобразуемом, но превосходящая свой аналог в иных аспектах — тех, которые представляются поддающимися трансформации. Похоже, поиск вполне надежного образца, строгое обоснование правомерности ориентации на него, аналогичен процессу выращивания гомункулуса. Нетрудно указать неподходящие образцы, хотя и без уверенности, блеска и даже величественности, которые характерны для аргументации М. Фридмана, когда он разбивает в прах дилетантские

надежды. Труднее удержаться от соблазна хотя бы намекнуть, что, несмотря на все сложности, конструктив известен.

Конечно, когда речь заходит об образце, М. Фридман не прибегает к решительным жестам. Оказывается, надо равняться на ситуацию, «какой она была, когда западные страны находились на такой же стадии, как страны Восточной Европы сейчас». Когда же такое было? По-моему, никогда. Не было такой ситуации! Но, может быть, имеется в виду не ситуация в целом, а, как я пытался рассуждать выше, «некая подсистема в другом социальном организме»? Внимательное изучение статьи М. Фридмана не позволяет найти ответ и при такой постановке вопроса. «Только достигнутый нами высокий уровень развития позволяет нам поддерживать столь дорогостоящий и раздутый государственный сектор». Конечно, раньше, до эпохи процветания, такого в «тех» странах не было. Но надо ли нам стараться низвести наш государственный сектор до того объема, в коем он пребывал в эпоху еще не процветающего капитализма начала или середины XIX века? Именно это и рекомендует нам М. Фридман, предлагая избрать в качестве образца «Гонконг, а не США, Великобританию или Швецию».

Но разве дело только в уровне благосостояния? Разве можно рассуждать об объеме государственного сектора (пусть даже при нашем убогом уровне), не обращая внимания на иные факторы, параметры и обстоятельства, такие как огромность территории и многочисленность населения, научно-техническая революция, о которой в середине XIX в. еще не слышали, катастрофическая ситуация с окружающей средой, беспрецедентная инерционность физически гигантского производственного аппарата? Можно ли поручиться, что для определения судьбы государственного сектора все эти факторы менее существенны, чем те характеристики — а М. Фридман не уточняет, какие именно, — которые у нас сейчас имеют примерно те же значения, что и в Западной Европе или в США 75, 100 или 125 — это тоже не уточняется — лет назад?

М. Фридман мыслит исторически, процессами, поэтому он неизбежно приходит к формулировке условий, необходимых для перехода общества в новое качественное состояние — к свободе. «Детальный план, предписывающий, как именно достичь этих условий, невозможен», — пишет он. И тем самым отрицает осуществимость намерений многих наших реформаторов, воспитанных системой планирования экономики в целом, как предприятия; проектирования социального устройства, как технической задачи; командования обществом, как ротой. Однако сами эти условия определены гораздо более убедительно, чем шаги, предлагаемые для их воплощения в жизнь. Например, по поводу приватизации он рекомендует продажу «государственных квартир желающим их купить квартиросъемщикам (за наличный расчет или в кредит) по цене, соответствующей разумной капитализации частной рыночной арендной платы». Если учесть, что скромная двухкомнатная квартира в Москве, в не слишком неблагоприятном районе, сдавалась в конце 1990 г. не менее чем за 1000 руб. в месяц, то она должна продаваться не дешевле 150 тыс. руб.: такова предложенная М. Фридманом «рыночная» цена подобной квартиры. Но для целей приватизации эта цена никак не годится, ибо и за 7—8 тыс. руб., назначаемых сегодня государством, практически не находится желающих приобрести эту собственность.

Для достижения устойчивости денежной системы М. Фридман предлагает сделать два шага (в одном пункте, как у Вирджинии Вулф — «Четыре святых в трех актах»). «Прежде всего следует резко сократить государственные расходы, ведущие к вынужденной денежной эмиссии». Безусловно, это правильный рецепт. Кто спорит: чтобы быть здоровым, надо правильно питаться. Но что такое правильное питание для тяжело боль-

ного организма? А наша экономика больна совсем не так, как экономика США или Великобритании конца 70-х годов. У нас и диета требуется другая, нежели те, что были применены Р. Рейганом и М. Тэтчер. Даже если сокращение производства оружия на $x\%$ вполне приемлемо с оборонной точки зрения, оно может оказаться нереализуемым за короткий срок хотя бы из-за остро встающей проблемы трудоустройства высвобождающихся рабочих. От этого при наших масштабах оборонного комплекса и сколько-нибудь значительной величине x отмахнуться никак нельзя. Конверсия потребует слишком больших средств и времени. И не найдется таких сил, которые сумеют добиться принятия и реализации решения, соответствующего большому x , скольжение по инерции с малым значением этого параметра покажется более приемлемым. То есть добираться из Берлина в Стокгольм придется в обход Ладожского озера.

Когда М. Фридман в качестве второго необходимого шага в области финансов предлагает конвертируемость рубля, которая «может и должна быть введена хоть завтра — простым снятием всех ограничений обмена частными лицами денег на иностранную валюту», он также не учитывает некоторых существенных особенностей нашего положения. Введение полной конвертируемости — как внутренней, так и внешней — вместе с обязательным законодательством о гарантиях вывоза прибыли означает согласие государства с тем, что все хозяйственные ячейки, неэффективные с позиций мирового рынка, должны неотвратимо и притом быстро потерпеть банкротство. Если бы не угроза социальной дестабилизации, это можно было бы только приветствовать. Но события последних двух лет показывают, что всеобщая забастовка в масштабах республики для нашей страны отнюдь не невозможное событие, хотя для любого из 50 штатов США такое трудно вообразить. Если в нашей стране немедленно ввести конвертируемость и обеспечить вывоз прибыли, без чего конвертируемость будет чистой фикцией, то страна будет напоминать самолет, потерявший обшивку на высоте десять тысяч метров.

Повторяю, М. Фридман прав, когда высказывает суждения, касающиеся всех, кто переходит к рынку. Бессмысленно передавать заводы в собственность тех, кто на них трудится. Нельзя гарантировать защиту собственности, пока нет среднего класса. Но, между прочим, и сформироваться этот класс может только в ходе развития института собственности. Крупная иностранная финансовая помощь, особенно безадресная и нецеленаправленная, способна только усилить структурные деформации. Однако при попытках говорить более конкретно, слова М. Фридмана теряют убедительность.

Пока М. Фридман остается на вершинах абстракции, он выдвигает — и подчас даже обосновывает, что совсем не просто в столь небольшой по объему статье — неотразимые тезисы, в том числе полностью расходящиеся с мнениями наших рыночников-утопистов, считающих себя его верными последователями. Так, он пишет, что «переход к свободе не может быть совершен одним прыжком», в то время как отечественные прожектеры без усталости сравнивают состояние свободы с беременностью: ни то ни другое, мол, не бывает наполовину.

В небольшой статье М. Фридман не ставил задачу анализировать понятие свободы. Но все же хотелось бы большей четкости в его использовании. В частности, свобода так часто появляется на страницах статьи вместе с процветанием, что начинаешь подозревать: не является ли первая не только необходимым, но и достаточным условием второго? Видимо, в наше время это не так. Построение свободного общества, т. е. постепенное его освобождение от всех проявлений тоталитаризма, — это условие будущего процветания. Собственно, М. Фридман не раз дает повод именно для такого понимания, когда подчеркивает длительность процесса перехо-

да. Проблема состоит в том, чтобы *выдержать время свободы в ожидании процветания*, конечно, не пассивном, а созидательном. Это тяжкое бремя, и сопоставления с соседями по планете — излюбленное занятие для многих и источник мифологем для общественного сознания — могут оказаться разрушительным фактором для недостроенного здания свободы. М. Фридман прав: «Все зависит от политической воли народа, от уровня экономического мышления лидеров и от способности этих лидеров убедить массы оказать поддержку назревшим радикальным преобразованиям».

© В Данилов-Данильян, 1991